

Глава 68. Бред (7)

Я вышел из церкви и направился в общежитие.

Я медленно шёл по потемневшей улице.

Один за другим начали зажигаться уличные фонари.

Холодный ночной воздух коснулся щеки.

Завернув за угол, я увидел знакомые лица.

Знакомая троица стояла, преградив дорогу, и хихикала.

Пройти мимо, казалось, будет трудно.

— Кого я вижу. Давненько не виделись, а?

Маркус, стоявший в центре, заметив меня, с преувеличенной жестикуляцией раскинул руки.

Почему-то мне показалось, что я уже слышал эти слова.

Я, сам того не осознавая, горько усмехнулся.

В прошлый раз я вытащил револьвер, который был у меня за поясом, и выстрелил.

Тогда я был слишком загнан.

Может, я слишком остро отреагировал на этого идиота-гопника, которому просто нечего было делать и который был немного злобным.

Я пробормотал себе под нос мысли, крутившиеся в голове.

— Что этот ублюдок бормочет?

Маркус, нахмурившись, подошёл ко мне.

Вместо ответа я достал из-за пояса револьвер.

На мгновение, увидев пистолет, лицо Маркуса застыло.

Бам!

Я ударил Маркуса рукояткой револьвера по переносице.

С глухим звуком его голова откинулась назад.

Я тут же нанёс удар кулаком в подбородок.

Хрясь!

Я отчётливо почувствовал, как смещаются кости.

Маркус, не издав ни крика, рухнул на землю.

Остальные гопники, стоявшие рядом, спохватившись, попытались наброситься.

Но, увидев направленное на них дуло, замерли на месте.

Я подошёл к одному из них и, не колеблясь, ударил его рукояткой револьвера по переносице.

Другого просто пнул.

Они оба бессильно повалились на землю.

Я подошёл к лежащему Маркусу.

Приставил холодное дуло к его лбу, пока он стонал, истекая кровью из носа.

— Я же говорил, не думай, что раз я с тобой связался, то мы ровня.

Тихо сказал я.

— Даже если меня выгнали из семьи, я всё ещё Эдельгард.

За убийство такого ничтожества, как ты, меня не накажут.

Маркус лишь смотрел на меня снизу вверх полными ужаса глазами.

Его губы мелко дрожали, но он не мог вымолвить ни звука.

Я подумал, не обобрать ли его.

Но тут же передумал.

Деньги можно было просто попросить у Левины.

Я ещё раз ударил Маркуса рукояткой револьвера по лицу.

Встал и пнул его в лицо.

А потом, как ни в чём не бывало, пошёл своей дорогой.

За спиной доносились слабые стоны, но я не обернулся.

Я вернулся в свою комнату.

Форму, слегка запачканную кровью, я кое-как бросил на пол.

Сел на диван, почти лёжа.

Набил табачными листьями трубку, которую дала мне Левина.

Добавил немного порошка из маленькой бумажной коробочки.

Чиркнул спичкой, поджёг и, глубоко затянувшись, выдохнул.

Белёсый дым наполнил комнату.

Пульсирующая головная боль немного утихла, и меня начало клонить в сон.

С тех пор, как Левина принесла мне это, кошмары прекратились.

Линетта больше не являлась мне во сне.

Я спрашивал, что это, но ответа так и не получил, но раз головная боль прошла, я решил, что это просто хорошее лекарство.

На самом деле, что бы это ни было, я хотя бы не буду импульсивно вешаться, а этого уже достаточно.

Тук-тук.

На следующее утро я проснулся от стука в дверь.

Тук-тук-тук.

Стук не прекращался.

Я тупо смотрел в потолок.

Вставать было лень.

Если бы это была Левина, она бы сама вошла.

В конце концов, дверь открылась.

В комнату вошла Серафина, одетая не в свою обычную форму, а в довольно дорогое на вид голубое платье.

Она, заметив меня, на мгновение замерла.

А потом, вздохнув, подошла и встала у кровати.

— Лавин, вставай. Опоздаем.

Она потрясла меня, чтобы разбудить.

Я тупо схватился за голову.

— ...Ты почему здесь?

— Как это почему? Ты ведь в письме писал, что было бы хорошо пойти сегодня в парк.

Сказала Серафина.

Я не помнил.

Надо будет в следующий раз прочитать письмо, подумал я и вздохнул, поняв, что снова думаю о смерти.

— Ах, да. Я быстро соберусь, посиди пока где-нибудь.

Я, шатаясь, встал.

Серафина села не на диван, а на край кровати, где я только что лежал.

Кровать слабо скрипнула.

Я быстро умылся, оделся и вышел.

Серафина смотрела на мою форму, которую я бросил на пол, со слабыми пятнами крови.

— Ты подрался?

Спросила она.

Я, ничего не ответив, лишь мельком взглянул на неё.

— Может, пойдём?

Серафина, немного помедлив, кивнула и встала.

А потом повела меня из академии.

Пока мы шли по коридору, доносились перешёптывания студентов.

Разве они не собирались разорвать помолвку, что-то в этом роде.

Серафина, словно ничего не слыша, взяла меня за руку и, будто таща за собой, смотрела только вперёд.

Это была карета семьи Велуз.

Мы сели друг напротив друга.

Вскоре карета тронулась.

Мерно доносился стук колёс по гравию.

Я смотрел в окно.

Быстро проносящийся пейзаж не вызывал никаких эмоций.

— Лавин, я приготовила твоё любимое шоколадное печенье и сэндвичи.

Первой заговорила Серафина.

— Должно быть, вкусно.

Сказал я и посмотрел на неё.

Впалые глаза, тёмные круги под ними.

Она выглядела какой-то исхудавшей.

— Не спала?

— А, да. Немного волновалась. Давно мы так не выбирались, вот и разволновалась.

Ответила Серафина, накручивая прядь волос на палец.

— Помнишь ту булочную, куда мы часто ходили в детстве?

Спросила она.

— Ты имеешь в виду ту, где ты всегда выбирала только булочки с кремом?

— Да. Тогда я съела всё твоё шоколадное печенье, и ты обиделся.

Сказала Серафина, слабо улыбаясь, вспоминая то время.

Я тоже слегка улыбнулся.

— Было дело.

— Я сначала подумала, что это моё, и съела, а ты устроил скандал и в отместку съел мою булочку с кремом.

Тот день вспомнился очень отчётливо.

Для меня это было довольно счастливое воспоминание.

Тот день, когда мы сидели бок о бок на скамейке перед лавкой в тёплый солнечный день.

Дома меня ждали Левина и герцогиня.

Я не хотел возвращаться домой, хотел так и остаться рядом с Серафиной.

Я хотел уйти с семьёй Велуз, но не мог этого сказать.

Тогда я не подал вида.

Нет. Это «Лавин» не подал вида.

Толчок.

Карета остановилась.

Я тупо смотрел в окно.

— Лавин? Лавин, мы приехали.

Серафина, выйдя первой, несколько раз позвала меня.

Только тогда я очнулся.

— А, да. Приехали.

Я, ступив на подножку, вышел из кареты.

Дорога к парку была ухоженной.

По обеим сторонам цвели безымянные цветы, и запах травы, принесённый ветром, щекотал ноздри.

Старые деревья отбрасывали длинные тени.

На подходящем месте в парке слуги уже, кажется, всё приготовили, включая плед.

Мы с Серафиной сели рядом и смотрели на людей в парке и на озеро.

Дети со смехом бегали, влюблённые, держась за руки, гуляли у озера.

Мирный пейзаж.

— Когда мы расторгаем помолвку?

Первым заговорил я.

— Я не хочу говорить об этом, приехав сюда.

Сказала Серафина.

— Такое чувство, будто ты просто играешь со мной перед тем, как мы всё равно расстанемся.

— Это... это точно не так.

Ответила Серафина.

Её голос слегка повысился.

После этого между ними повисла тишина.

Слышался лишь шелест листьев на ветру.

— Как мы до такого докатились?

Сказала Серафина.

Это были слова, которые я говорил ей в прошлой жизни.

— Раньше мы просто встречались, проводили немного времени вместе, возвращались домой, играли с семьёй, немного учились, и дни пролетали незаметно, а сейчас, что же...

Её голос едва заметно дрожал.

— Может, съедим шоколадное печенье?

Я прервал её.

Серафина прикусила нижнюю губу.

С голосом, в котором, казалось, она сдерживает слёзы, она ответила:

— Да.

Она достала из корзины шоколадное печенье и протянула мне одно.

— Я сама приготовила.

Добавила Серафина.

Я, ничего не говоря, просто положил его в рот.

Хрустящее и сладкое.

Ковыряя печенье, я заговорил:

— Помнишь, как ты в прошлый раз сказала, что попытаешься отменить разрыв помолвки?

Услышав эти слова, лицо Серафины просветлело.

Как бы это сказать, её потухшие глаза немного ожили.

— Ты это серьёзно, искренне говорила?

Спросил я, глядя ей прямо в глаза.

— Или ты сказала это просто потому, что я выглядел не очень, и ты подумала, что нельзя меня так оставлять?

Улыбка исчезла с лица Серафины.

Она отвела взгляд.

— Не знаю. Но... я сказала отцу, что не хочу.

— И это всё, что ты сделала.

Резко ответил я.

Серафина подняла голову.

В её глазах была отчаянная мольба.

— Тогда что, что ты хочешь? Скажи мне. Я всё сделаю.

— На самом деле, даже если мы разорвём помолвку, это ведь из-за Левины и твоего отца, мы ничего не можем поделать.

Просто я бы хотел, чтобы наши отношения и дальше оставались такими же.

От этих слов лицо Серафины снова просветлело.

Она тут же схватила меня за руку.

— ...А, да! Да, конечно! Разве я могу тебя бросить?

Услышав это, я горько усмехнулся.

А потом, посмотрев на неё, провёл рукой по лицу.

Я сказал, глядя в землю, а не на неё:

— Да. Конечно, не можешь.

Если я буду заниматься всякой ерундой с Эстель, Кайл обязательно придёт.

Ведь он же блистательный главный герой.

Человек, который сам ищет себе на жопу приключений.

Иногда мне во сне приходят воспоминания о том, как Кайл нашёл меня, когда я прятался с Левиной.

Это бывает примерно раз в десять снов, где я вижу повешенную Линетту.

Я подумал, что было бы неплохо, если бы Серафина хотя бы засомневалась в тот момент.

Я ведь и не прошу, чтобы она была на моей стороне, просто чтобы не мешала своей блистательной магией.

После этого я провёл скучный и утомительный день, кое-как отвечая на радостную болтовню Серафины.

Она рассказывала истории из детства, а я изредка кивал.

Было чувство, что я провёл день как-то впустую.

Так мы тупо проводили время в парке, и тут я увидел очень знакомого человека, гулявшего по улице.

<http://erolate.org/book/1526/189246>